

Guido Carpi

Политический язык Ленина. Идиома «партийность»

Guido Carpi

Lenin's Political Language. The Idiom of *Partiinost'*

Guido Carpi (университет Неаполя «Ориентале», профессор русской литературы; PhD) gcarpi@unior.it.

Guido Carpi (PhD; Professor of Russian Literature, University of Naples "L'Orientale") gcarpi@unior.it.

Ключевые слова: Ленин, политический язык, идиома *партийность*, политическая риторика, Кембриджская школа

Keywords: Lenin, political language, idiom of *partiinost'*, political rhetoric, Cambridge School

УДК: 329.055

UDC: 329.055

Статья посвящена дискурсивной структуре ленинских текстов, которая до сих пор не становилась предметом специального анализа. В фокусе внимания — особенности текстов Ленина на лексическом, синтаксическом, риторическом и функционально-прагматическом уровнях, которые современники воспринимали и описывали как девиации на фоне стандартных политико-языковых форм эпохи. Повелительный характер, целеустремленность, прагматизм и почти бесконечная эластичность языковой структуры прослеживаются на примере палитры из пятнадцати различных значений ленинской идиомы «партийности», возникающих в многообразных контекстах политических и интеллектуальных полемик, которые вел создатель СССР.

This article focuses on the discursive structure on Lenin's texts, which had yet to be the subject of special analysis. Attention is focused on the distinguishing features of Lenin's texts on a lexical, syntactical, rhetorical, and functional and pragmatic levels, which his contemporaries perceived and described as deviations against the background of the standard political and linguistic forms of the era. The imperative character, purposefulness, pragmatism, and neat endless elasticity of the linguistic structures are traced in the example of a palette from the fifteen different meanings of Lenin's idiom of *partiinost'*, which arose in numerous contexts of the political and intellectual polemics led by the founder of the USSR.

Это был самый, может быть, напряженный утилитарист, какого когда-либо выпускала лаборатория истории. <...> Ленин брал то, что ему нужно, и тогда, когда ему нужно.

Лев Троцкий

— Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, — сказал Шалтай презрительно.

— Вопрос в том, подчинится ли оно вам, — сказала Алиса.

— Вопрос в том, кто из нас здесь здесь хозяин, — сказал Шалтай-Болтай.

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Современная наука и язык Ильича

Совершенно очевидна та фундаментальная роль, которую Ленин сыграл в развитии политической культуры XX века в целом, а также в формировании политико-институциональных систем, ставивших себе целью реализовать на

практике близкие ему теоретические принципы. Содержательной стороне рассуждений Ленина посвящены обширные и прекрасно документированные исследования. Между тем особенная дискурсивная структура ленинских текстов до сих пор не становилась предметом специального анализа. И тем не менее нельзя не обратить внимания на исключительную важность «внутренней формы» (если пользоваться терминами Г.Г. Шпета) ленинской речи, сообщившей композиционное оформление ее логической сути (см.: [Шпет 1923а: 65 и далее; Шпет 1923б: 23 и далее]).

Как же определить «внутреннюю форму» политического языка Ленина? Кажется уместным сначала прибегнуть к «феноменологической редукции», то есть выделить в политическом языке (на разных его уровнях: лексическом, синтаксическом, риторическом, функционально-прагматическом и т.д.) совокупность приемов, которые современники воспринимали и описывали как девиации на фоне стандартных политико-языковых форм эпохи. Так мы ограничим эмпирические свойства объекта, требующего дефиниции, что позволит затем рассмотреть отобранные лингво-политические черты в контексте нормы, придававшей им единство¹.

Разумеется, герменевтический потенциал феноменологии политического языка не исчерпывается построением абстрактной таксономии, но, напротив, составляет предпосылку, необходимую для практической верификации того, как конкретные «политические идиомы»² функционируют внутри определенной дискурсивной системы. Исходя из этих целей, необходимо: а) показать, как зарождались отдельные идиомы, каким был их первоначальный семантический ореол; б) проследить этапы трансформации идиомы, увидеть, как она переходит из одного контекста в другой; в) рассмотреть специфический узус — не нейтральный, но политико-идиоматический, который в итоге и сделал конкретную политическую речь частью определенной языковой системы (см.: [Покок 2018: 157 и далее]).

Речь идет об индуктивной и потенциально бесконечной верификации. Ведь мы не только имеем дело с неограниченным классом феноменов, поскольку каждый из языковых актов обладает значением, меняющимся в зависимости от контекста, в котором он производится: «изучить язык означает изучить вещи, которые можно с его помощью сделать, а понять какого-либо мыслителя означает увидеть, что он стремился сделать с помощью языка»; и тем не менее «количество смыслов и сообщений, воплощенных в речи, исключительно велико... дискурсивные миры, внутри которых она осуществляется в процессе интенсивного обсуждения и критического анализа, многочисленны до бесконечности» [Роскок 1972: 28].

Выполнение подобной задачи применительно к политическому языку Ленина обеспечило бы работой целый институт (подобный некоему «Institut der

1 Сходным образом, например, М.И. Шапир разработал метод для построения исходного определения стиха в его отличии от прозы, см.: [Шапир 2000: 81, 82].

2 В терминологии Дж.Г.А. Покока «политическая идиома» — это «полноценный контекст, т. е. способ говорения, который стремится приписать то, что в нем может быть сказано» [Покок 2018: 144, 153, 154, 157]. Русские последователи и популяризаторы Кембриджской школы предлагают следующее определение «идиом»: «сложившиеся устойчивые языковые образования — социoproфессиональные или литературные языки, релевантные для политической риторики» [Агнашев, Велижев 2018: 19, примеч. 1].

exakten politischen Sprachwissenschaft») на многие годы вперед. Впрочем, памятуя об американском правиле «to get away from unrealities», в нашем исследовании мы ограничимся тем, что проследим перипетии формирования одной ключевой идиомы ленинского дискурса («партийность») в надежде, что в этом направлении проследуют затем другие ученые.

Стальная спираль ленинской прямой

Политический язык Ленина не раз становился объектом как полемического, так и научного структурного анализа. В первом случае мы имеем в виду дискуссию с участием правого меньшевика А. Потресова, П. Юшкевича, А. Богданова и его последователей в 1900—1910-е годы, во втором — монографический номер журнала «ЛЕФ» 1924 года, в котором опоязовцы в полном составе разбирали стиль только что умершего вождя, и в важнейшей брошюре 1925 года, написанной лингвистом А. Финкелем и посвященной языку и стилю работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Основательные рассуждения о структуре ленинской речи принадлежат и Л. Троцкому, бывшему будетлянину А. Кручёных и вступившему с ним в полемику бывшему акмеисту В. Нарбуту. Выпады противников Ленина также сопровождались ценными наблюдениями о его стиле. Резюмируем особенности ленинского политического языка, отмеченные разными наблюдателями (и в разных контекстах). Однако прежде вспомним, как в финале рассказа Бабеля «Мой первый гусь» герой-рассказчик читает красным казакам ленинскую статью в «Правде», «подстегивает, ликуя, таинственную кривую ленинской прямой». «Правда всякую ноздрю щекочет, — комментирует жесткий, но пронизательный взводный штабного эскадрона Суровков, — да как ее из кучи выгащить, а он (Ленин. — Г. К.) бьет сразу, как курица по зерну». Основные свойства ленинской политической речи таковы.

I. Ленинская речь и поразительно целеустремленная, и бесконечно эластичная («таинственная кривая ленинской прямой»). Как «свернутая в тугое кольцо огромная стальная спираль» [Троцкий 1924: 52], она разворачивается и расширяется, обладает удивительной способностью сводить к тождеству противоположные по смыслу утверждения, вовлекать в свои орбиты смысловые области, порой чуждые предложенной теме. Уже умеренный меньшевик Потресов, в молодости долго состоявший в некоем «тройном союзе» с Ю. Мартовым и с самим Владимиром Ильичем (см.: [Карпи 2016: 25—28, 110—122]), указывал на ленинскую страсть к терминологическим «пассажам», то есть на семантические сдвиги ключевых понятий (например, стремление «подменять один общественный слой другим» [Потресов 1906: 263]). Такая установка, клейменная Потресовым как простая готовность прибегать к пошлым мистификациям, на самом деле возвращает нас к *эллипсическому характеру* ленинской речи, в которой чередования логических форм сочетаются порой весьма причудливым образом: «Мы, социал-демократы, когда цитируем, не только опускаем, но и от себя прибавляем», — якобы признавался сам Ленин «с расстановкой и с ядовитой иронией» [Мартынов 1925: 275].

Эластичность и емкость отражаются и в самих речевых конструкциях: «Конструкция фраз обычно громоздкая, — замечал Троцкий, — одно предложение напластовывается на другое или, наоборот, забирается внутрь его»

[Троцкий 1924: 127]. По словам Финкеля, «Наиболее характерным приемом является у Ленина разрыв синтаксического целого. Предложение, отвечающее какой-либо мысли, пересекается авторскими ремарками, репликами, возражениями, вплоть до того, что два или больше предложений идут параллельно» [Финкель 1925: 80, 81].

II. «Сверхпроводящий» язык Ленина как будто создан и отрегулирован непосредственным, до- и внерациональным инстинктом (ср. с метафорой «курицы по зерну»). Уже Потресову был ясен *онтологический* характер ленинской речи: в нем «*правильная теория*» *абсолютизирована*, идеалистически поставлена выше материального мира [Потресов 1906: 286; Карпи 2016: 110—122]³. Онтологический характер сказывается на речевых конструкциях: по словам Троцкого, Ленин часто «слишком стремительно избегает по лестнице своих мыслей, перепрыгивая через две-три ступени сразу», поскольку вывод ему уже ясен и как будто не зависит от аргументации [Троцкий 1924: 127]. От этого, продолжал Троцкий, страдала конструкция речи, «но разве в речи Ленина какая-либо другая логика, кроме логики, понуждающей к действию?» [Там же].

III. Здесь как нельзя лучше видна связь структуры ленинской речи с ее повелительным, императивным характером: преобладающая модальность — юссивная (или, как писал Кручёных, «резолютивная» [Кручёных 1927: 10]), то есть она вызывает принудительную, почти физиологическую, реакцию (ср. с метафорой «всякую ноздрю щекочет»). «Казалось, — вспоминал один рядовой большевик, — что, когда слушаешь Ильича, кто-то забирается к тебе в голову и наводит там порядок, внимательно разбирает все, что там находится, хорошо укладывает по местам нужное, властно и решительно выбрасывает оттуда ненужное. И незаметно для себя, без всяких ярко ощутимых эффектов, ты остаешься с этим порядком в голове» [Рузер 1924: 60]. Троцкий отмечал по этому поводу: «То, что объединяет его (Ленина. — Г.К.) речь — это не формальный план, а ясная, строго для сегодняшнего дня намеченная практическая цель, которая должна занозой войти в сознание аудитории» [Троцкий 1924: 129].

Здесь уместно указать на обильные анафоры, иногда сопровождавшиеся литературными реминисценциями, что, например, ясно видно в заглавии из второго параграфа «Материализма и эмпириокритицизма». Заглавие параграфа — «О том, как “эмпириосимволист” Юшкевич посмеялся над “эмпириокритиком” Черновым» — напоминает гоголевскую «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Сходство выдержано до мелочей: даже анафорическое сочетание «Иван — Иван» совпадает с «эмпирио — эмпирио». Весьма частотны и примыкающие к анафорам построения в форме вопросов и ответов. Кстати, этот ленинский прием будет заимствован в гипертрофированном виде Сталиным (см.: [Вайскопф 2001: 38 и далее]). К повелительному характеру ленинской речи Б. Томашевский отнес и специфические грамматические приемы: «Безглагольность, субстантивизация глагола придает особую модальность этим конструкциям, модальность приказа» [Томашевский 1924: 147].

3 В письме к П.Б. Аксельроду от 27 мая 1904 г. Потресов писал о надобности «рассеять гипноз» и сделать приверженцев Ленина «хотя скольконибудь восприимчивыми для аргументации по существу, а не для одних сакраментальных словечек» [Потресов, Николаевский 1928: 125].

Позже лингвисты и литературоведы определяют стиль Ленина как сугубо проповеднический, с установкой на желание овладеть сознанием собеседников: «Он почти всегда имеет перед собой, с одной стороны, противников и врагов, с другой — некую массу, на которую нужно воздействовать, которую нужно убедить. В связи с этим речь его окрашена, с одной стороны, тоном иронии и насмешки, с другой — тоном категорического, энергичного утверждения» [Эйхенбаум 1924: 58]. У Ленина всегда был собеседник, и даже не один, «вернее группы собеседников. Это противники, с которыми он спорит, и читатели, которых он убеждает. Обычно речи Ленина обращены к одной из этих групп... Различие собеседников влечет за собой различные оттенки и различные способы выражения» [Финкель 1925: 53]. Повелительный характер ленинской речи заметили уже его рядовые соратники. Например, Г. Равелин писал: «Речь т. Ленина можно сравнить с гладким шаром, например бильярдным. Подтолкнутый умелой рукою шар катится неуклонно к назначенной цели» [Об Ильиче 1924: 79]. П. Лепешинский замечал: «Ленин всегда считал “перегиб палки” в процессе спора совершенно законным диалектическим моментом <...> для него важнее всего цель: произвести максимум революционного действия своим устным или письменным словом» [Лепешинский 1926: 46, 49]. Особенно яркое описание «группового общения» Ленина дал делегат второго конгресса РСДРП С. Гусев:

Больше всего меня поразило в Ленине при первом знакомстве умение его одновременно вести разговор с несколькими собеседниками. Он засыпал всех быстрыми вопросами, как-то успевал понять ответ, не дослушав его до конца, как бы заранее зная, каков будет ответ, и тотчас же ставил новые вопросы, и притом так, что самим вопросом ответ как бы предreshался. Получалось такое впечатление, как будто бы он одновременно быстро играл несколько партий в шахматы и ставил своих противников в такое положение, что у них не оставалось никаких других ходов, кроме вынужденных [Гусев 1934: 37].

IV. Ленинская речь не ставила целью синтезировать односторонние начала. Она была устремлена к откровению универсального онтологического субстрата, скрытого в процессе эмпирического становления (вспомним: «как правду из кучи вытащить?»). В этом смысле Вл. Базаров оправданно обвинял Ленина в мистицизме в ходе полемики вокруг «Материализма и эмпириокритицизма»:

Для материалиста, проповедует [Ленин], дана объективная реальность... <...> Совершенно то же самое говорят, как известно, и мистики. Для них вера есть особый и притом высший тип *познания*, «гнозис». Мистик не *строит* понятие божества как предположение или гипотезу, которая должна быть проверена фактами, — он непосредственно, «интуитивно» воспринимает божество как «ens realissimum», как нечто несравненно более достоверное, чем всякий чувственный факт, который может казаться и галлюцинацией. И только страх перед логическими выводами из своих собственных посылок мешает [Ленину] познать, что принципиально между его точкой зрения и точкой зрения любого мистика нет решительно никакой разницы [Базаров 1910: XXXVIII].

С ленинским онтологизмом также связана тенденция — ставшая очевидной, начиная с работы «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения», — определять ключевые понятия *апофатически*, то есть исчисляя значения, которыми они *не* обладают: например, РСДРП — партия *не* сторонников эконо-

мизма и не трейд-юнионистов, она не имеет ничего общего с конкурирующими группами и т.д.

V. Ленин резко упростил означающие структуры (на синтаксическом, фразеологическом, лексическом уровнях), стремясь максимально облегчить восприятие своих слов не- или полуграмотными массами. «Цеховой язык сменяется обыденной речью», — резюмировал Финкель [Финкель 1925: 28]. Показательными являются свидетельства знакомых Ленина о том, что он читал словарь В.И. Даля и заучивал наиболее употребительные народные слова и выражения, желая сделать свою речь понятной любому рабочему или крестьянину (об этом писал, например, Л. Сосновский в очерке «За что любил А.С. Пушкина В.И. Ленин», опубликованном в «Правде» 7 июня 1924 года). Заметим, что в зависимости от функции конкретного текста вульгаризация языка могла соседствовать у Ленина с подчас весьма гипертрофированными книжными элементами, к которым относятся славянизмы, архаизмы, частое употребление глагола «быть» в настоящем времени (нечто «есть» нечто), преобладание причинного союза «ибо» над другими причинными союзами и т.д. Как следствие, более детальное изучение ленинского словаря, как нам кажется, потребует сегментации по целевым группам, предложенной в свое время Вл. Нарбутом: «...исследователю нужно... рассматривать Ленина... по аудиториям (рабочий, крестьянский и т.д.), по слушателю и читателю» [Нарбут 1925: 73].

Политический язык Ленина сильно отличался от лингво-политических эталонов эпохи. Это обстоятельство стало очевидно еще современникам лидера при первом и весьма поверхностном обсуждении его статей. Критики пристрастно упрекали Ленина в «грубости» и «нетолерантности», но тем не менее первой, пусть и крайне недоброжелательной, попыткой определить суть «языковой инновации» мы обязаны одному из них — Потресову. Так, он подчеркивал примитивизм и тавтологичность ленинских лозунгов, «схематично упрощенных, коротеньких мыслей и наглядных формул, настойчиво вшивавшихся даже в самые неподатливые головы, бесконечно повторяясь и преворачиваясь на разные лады» [Потресов 1906: 259]. В свою очередь, философ и математик П. Юшкевич, также участвовавший в антимарксистских полемиках 1909—1910 годов, сравнил ленинский стиль с «литературой уличного ходатая», определяя его следующим образом:

Не дочитать в одном месте, перечитать в другом, смешать в одну кучу взгляды разных лиц, крикнуть человеку «мошенник!» чуть ли не в тот самый момент, когда залезаешь к нему в карман, закрывать дыры своего незнания и непонимания сутубой развязностью и третированием противника, вводить в литературную полемику чисто борцовские нравы, а главное, пустить ябеду, бесконечную крючкотворную ябеду [Юшкевич 1910: 42].

Даже соратникам вождя порой казалось, что поток агрессии в его речи переливался через край: «Это было даже не бой, а какое-то избиение младенцев», вспоминал А. Ильин-Женевский [Об Ильиче 1924: 106]. Напротив, сам Ленин подчеркивал сутубо функциональный характер бранной лексики. Публицистам, ставившим ему в упрек определенные эпитеты в брошюре «Шаг вперед, два шага назад», он «разъяснял, что самое резкое, самое грубое слово не есть еще ругань, раз оно выражает научное определение данного явления. Ругань — это резкое слово, которое научно не соответствует данному явлению» [Гусев 1934: 50].

Разумеется, сознательная ориентация ленинского дискурса на лексику низших слоев населения не ускользнула также и от внимания формалистов: «Ленин, ценит не книжную, а простую разговорную речь и вводит в свои статьи и речи самые обиходные, часто даже грубые, слова и выражения» [Эйхенбаум 1924: 59]⁴. По мнению Эйхенбаума, Ленин избегал минимально возвышенной риторики, а его стиль разрабатывался в минималистском и практическом языковом контексте, откуда он заимствовал низкие эпитеты, «недопустимые» речения, «разговорно-обиходные выражения и поговорки» [Там же: 63]⁵. Согласно Якубинскому, Ленин «вел борьбу с эмоционально-повышенным, высококостильным, пафосным, декламационным строем речи» [Якубинский 1924: 73]⁶.

VI. Ленинская речь имеет *театральный* характер: нужная ему терминология как бы берется напрокат и затем сдается обратно в лавку. В 1910 году Юшкевич писал о Ленине: «Через дыры его философского плаща сквозит голое, ничем не прикрытое, тело, — что он прекрасно знает, равно как и то, что всю эту взятую напрокат цитатную ученость надо будет по окончании философского представления вернуть по принадлежности — но это не смущает нашего свирепого марксиста» [Юшкевич 1910: 8]. Следствием этого является весьма нехарактерное для научной прозы обилие каламбуров, гипербола, анафор, литотесов, синекдох, метафор и иронических формулировок, где нечто утверждается через собственную противоположность. Поток метафор иногда приводит к сюрреалистическим эффектам, например в «Материализме и эмпириокритицизме» встречаются фразы вроде: «Никакие усилия в мире не оторвут этих реакционных профессоров от того позорного столба, к которому пригвоздили их поцелуи Уорда» (т. 18, с. 366)⁷.

Другими словами, при выборе понятий и принципа их комбинации *перформативное* начало, *прагматика* текста преобладали над собственной семантикой слов и над их «естественным» логическим чередованием (игровая установка заложена и в нескольких примерах, приведенных выше, в пункте III). Отсюда и внешняя структурная слабость ленинских текстов и выступлений, отсутствие в них классического красноречия (ср.: «...не было в его речи никаких ораторских эффектов» [Рузер 1924: 60]) и ораторского завершения речи, наличие «неэффектных», размытых выводов, скажем: «Вот к чему нужно стремиться — не на словах, а на деле», «он кончает работу и ставит точку» и др.

-
- 4 Ср.: «...[речи Ленина] являются блестящим примером преднамеренного и внутренне обоснованного “снижения стиля”» [Крученых 1927: 1]. Ср. с формулировкой видного представителя Московского лингвистического кружка: «...язык русской интеллигенции в широком смысле, конечно, гораздо более далекий от масс, чем язык русской художественной литературы, и начинающий сближаться с языком масс только на почве роста русского рабочего движения (ср. к этому “Что делать?” Ленина)» [Винокур 1990: 111].
 - 5 Именно в этом месте — в случае «демократической» борьбы с иерархией стилей — параллель с современными Ленину литературными движениями становится наиболее явственной: «Здесь он исторически соприкасается с тем разрушением традиционной “поэтичности”, которое отличало Толстого и которое в резкой форме явилось заново у футуристов, в частности у Маяковского» [Эйхенбаум 1924: 70].
 - 6 Ленин часто в шутку грозил публике кулаком, когда рукоплескания и крики «ура!» после его выступления продолжались слишком долго [Об Ильиче 1924: 63].
 - 7 Здесь и далее ссылки на издание [Ленин 1958—1966] приводятся в круглых скобках с указанием номеров томов и страниц.

(см.: [Троцкий 1924: 130])⁸. Некоторые наблюдатели истолковывали перформативную прагматику речи Ленина как установку на анализ в ущерб синтезу: «Форма статей — почти всегда одинакова: автор приводит цитату из сочинения противника и начинает разбирать по косточкам». Так писал о полемической манере вождя его ближайший соратник М. Ольминский:

В деле анализа нет равного тов. Ленину. Что же касается синтеза, то, собственно, в литературных произведениях его он встречается, к сожалению, реже, чем это было бы желательно. Лишь изредка тов. Ленин тут же противопоставляет свою точку зрения... Обычно он обрывает статью, как только расправится с противником. А положительных выводов, синтеза — приходится искать совсем в другом месте, — в тех лозунгах, которые он дает, в тех проектах резолюций, которые он предлагает [Ольминский 1924: 28].

VII. Мыслителю, обладающему своей «теорией», свойственно обращение ко всем отраслям знания: «Верно ли, однако, что это говорит глубочайше образованный марксист, теоретик-экономист, человек с огромной эрудицией? Ведь вот кажется, по крайней мере моментами, что выступает какой-то необыкновенный самоучка, который дошел до всего этого своим умом, как следует быть все это обмозговал, по-своему, без научного аппарата, без научной терминологии, и по-своему же все это излагает» [Троцкий 1924: 127]. Более точную формулировку описываемого явления дал Юшкевич: «...обратите внимание на распространенный среди марксистов предрассудок, на своеобразную фикцию, в силу которой “теоретиков” наделяют почти божескими атрибутами всеведения и непогрешимости. Теоретик — он у нас идет “за всё”: он и отличный социолог, и превосходный знаток аграрного вопроса, и прекрасный политик, философ, критик» [Юшкевич 1910: 9].

Иными словами, «теорию» Ленина можно обозначить с помощью символа \cap_{∞} , то есть через пересечение всех множеств, из которых состоит культура. Устроенное таким образом знание не напоминает «теорию». Оно типологически сходно с универсальным творческим и нормативным инстинктом, указывает на нечто вроде светской «благодати» или «харизмы» (как они трактуются в Первом послании к Коринфянам апостола Павла). Как любая харизма, ленинское «всезнание» проявляет себя спонтанно и непосредственно, именно «как курица по зерну».

По мнению Богданова, у Ленина «абсолютная природа выражается в абсолютной истине, воплощающейся в ряде истин относительных, которые образуют градацию приближения к абсолютному, — то это формулировка прямо *шеллингианская*. Так борется с идеалистами В. [Ленин]!» [Богданов 1910: 155]. В ленинской речи цепь императивных формулировок вытекала из «абсолютного» центрального ядра, вокруг которого располагались эпифеномены, подобные свободно комбинируемым элементам вечно менявшейся мозаики. «Проповедническая» деятельность приспособлялась к разнообразным обстоятельствам, сохраняя «доктрину» в полной неприкосновенности, поскольку явный пересмотр последней ставил бы под сомнение непогрешимость блюстителя ортодоксии и обладателя «харизмы».

8 Наоборот, некоторые собеседники отмечали необыкновенную «выразительность» Ленина в личном общении, например его своеобразное умение «говорить “курсивом”» [Гусев 1934: 51].

VIII. Другими словами, в ленинском политическом языке *всепроницающая герменевтика непрерывности сосуществует с весьма гибкой прагматикой приспособления*⁹.

Опоязовцы и Ленин: «раскалывание» и «семантическая подвижность»

Вторую, решающую часть анализа ленинского политического дискурса предложили в 1924 году теоретики-формалисты, объединившиеся в ОПОЯЗ, в множествах уже цитировавшемся номере журнала «ЛЕФ». Если прежние толкователи концентрировались на макростилистике, то члены ОПОЯЗа больше работали над интерпретацией оригинальной *семантики* ленинской речи, исследуя особые механизмы, связывавшие означающее с его означаемым.

IX. С точки зрения формалистов совершенно естественно связывать ленинский язык с общим процессом *деавтоматизации*, который они считали главным двигателем литературной эволюции и развития языка в его эстетической функции в целом. Например, по мнению Эйхенбаума, «внимание Ленина останавливается на каждом преувеличении, на всем, что имеет характер автоматического пользования словом и тем самым лишает его действительной значимости» [Эйхенбаум 1924: 61].

X. Шкловскому Ленин представлялся «раскалывателем» не только в политике, но и в языке, склонным к деавтоматизации и обновлению политической речи «раскалыванием явления, выделением его». Главный прием Ленина — это «разделительное переименование», сродное кристаллографическому расщеплению (разрушение сколом по плоскости спайки), посредством которого понятия отделяются «от старого слова, ему более не соответствующего» [Шкловский 1924: 53]. Переименование «не только вытеснение одного слова другим, но и впадение нового слова в сферу старого» [Там же: 54].

Подобно Льву Толстому, Ленин занимался деканонизацией языка. Как следствие, его речи не свойственны идеологические штампы: Ленин «устанавливает каждый раз между словом и предметом новое отношение, не называя вещи и не закрепляя новое название» [Там же: 56]. Семантическая подвижность — или *остранение*, — порой «коагулировала» ключевые смыслы из конкретного контекста, в котором они циркулировали: «Каждая речь или статья как будто называет все сначала. Терминов нет, они являются уже в середине данной вещи, как конкретный результат разделительной работы» [Там же: 55].

XI. Наконец, Тынянов говорил о семантической «многоцветности» ленинского языка, которая достигалась путем расщепления окостеневших фразеоло-

9 Ср. в системе «высокого» сталинизма: «Партийность как одна из фундаментальных категорий соцреалистической эстетики позволяет соотнести динамику оценок внутри культуры с их статичностью и изоморфностью. Партийность увязывает и согласует во времени различные процессы внутри культуры, делает их когерентными... Партийное означает умение видеть разное как одно. <...> “Объективность” (вчера истинно — сегодня ложно и наоборот) лежит не в сфере реальности, а в сфере партийности» [Добренко 2000: 427].

гических единиц. В ленинской речи значения ключевых лексем и синтагм менялись в зависимости от контекста [Тынянов 1924а: 104, 105]¹⁰. Семантическая «многоцветность» — это результат тонких метафорически-ассоциативных сплетений лексических рядов.

XII. Это сплетение уподоблялось Тыняновым роли рифмы в поэзии: «Подобно тому, как *рифма* в стихах связывает между собою не только *окончания* слов и не только рифмующие *слова*, но и *целые* стихи, строки, кончающиеся этими рифмами, — так и образ соединяет в сознании не только два данных понятия, два данных слова, — но приводит в связь два целых лексических единства, которые в свою очередь — каждое ведет к разным лексическим средам» [Там же: 107, 108]¹¹.

Подведем промежуточные итоги. По наблюдениям современников, политический язык Ленина основан на деканонизации (IX) политического языка путем «разделительного переименования» (X) и «многоцветного» разложения (XI) «рифмованных» особыми «ассоциативными нитями» (XII) семантических единиц. И тем не менее — «сверхпроводящая» гибкость, которую этот язык достигал благодаря ряду приемов (IX—XII), сосуществовала, казалось бы, с противоположным языковым явлением.

XIII. Таким явлением было стремление к *формулярной повторяемости* лексики и оборотов. В том же номере «ЛЕФа» Б. Томашевский отмечал обилие «трехчастных формул» и постоянное употребление «слитных, троекратных, бессоюзных сочетаний», производящих «впечатление отрезка бесконечной словесной серии». Эта «синтаксическая символика» являлась «своего рода алгебраичным знаком суммы ряда» [Томашевский 1924: 144, 145].

XIV. Формулярность, алгебраичность означающих (XIII) выражалась и в легкости, с которой они превращались в *лейтмотивы*, сквозившие по всему тексту. Б. Казанский отмечал в языке Ленина «большую стойкость словесного сознания: те же слова, словосочетания возвращаются снова и снова, как лейтмотивы в музыке» [Казанский 1924: 117]. Таким образом, возникали словесные «средоточия», вокруг которых и образуются переменчивые смысловые «созвездия»: «Наиболее интересными конструктивными приемами ленинской речи представляются те, в основе которых лежит повторение в самых разнообразных видах и степенях», среди которых выделяются

10 Как утверждал Г. Винокур, «если грамматика есть система отношений между отдельными элементами, т.е. чистая форма, то и те элементы, которые складываются в словарь данного языка, тоже могут вступать друг с другом в чисто формальные отношения. Заголовок статьи Ленина “Лучше меньше, да лучше” — может послужить здесь иллюстрацией. Здесь — “лучше” — оба раза дано в разных значениях. Очевидно, что значения эти выясняются из контекста, т.е. из словарной системы» [Винокур 1990: 76].

11 Параллель между рифмой и ленинским стилем подсказана Тынянову его же исследованиями по стихотворному языку: «Тынянов был убежден, что одна из основных функций ритма в “деформации”, “сдвиге” словарного (нормативного) значения слов, получающих дополнительные, вторичные, “колеблющиеся” смысловые оттенки. Тынянов назвал это явление “*ритмической метафорой*”, а ее неперемное условие — “теснотой стихового ряда”» [Шапир 2000: 114] (см. также: [Тынянов 1924б: 108 и далее; 39 и далее]).

«либо усиленное приложением определения... либо развитое присоединением аналогичных элементов или распространенное в более сложную группу» [Там же: 114]¹².

На самом деле в специфической структуре ленинского языка серии (IX—XII) и (XIII—XIV) отнюдь не противоречат друг другу. Наоборот, они соучаствуют в формировании выразительной модели, где ритуальная повторяемость лейтмотивов служит главным подспорьем в созидании их переменчивой семантики и ею же генерированных «созвездий», чье бесконечно переопределяющее себя «алгебраическое» равновесие гарантировано чрезвычайно гибкими ассоциативными рядами.

Подобная экспрессивная структура оформляет и направляет политический язык Ленина как эллипсическую систему (I), обеспечивает как «харизматическую» роль обладателя доктрины (VII), так и стержневое для ленинской идеологии сочетание герменевтики непрерывности с прагматикой приспособления (VIII). Она же и обнаруживает главный прием данной языковой установки: семантический протеизм (XV), то есть совместимость весьма различных, порой взаимоисключающих, значений под «зонтом» внешне однозначного означающего, который расставляет их по бесконечным смысловым ячейкам постоянно изменяющейся системы¹³.

Пока конспективно отметим, что семантический протеизм терминологии «напряженного утилитариста» [Троцкий 1924: 21] находит очередную параллель в поэтике модернизма. От Дж. Джойса в «Портрете художника в юности» до Андрея Белого целое поколение прозаиков начинает воспринимать мир как нечто слишком сложное, чтобы быть описанным и истолкованным согласно однозначной и прямолинейной логике: фабульный ход событий затемняется и дробится, порой исчезает (чему соответствует эластичность ленинской речи). В модернистское повествование вводятся эпифании, то есть детали, немотивированные и нерелевантные для сюжета, намекающие на некую, иначе невыразимую, онтологическую основу (чему соответствует устремленность ленинской речи к откровению универсального онтологического субстрата). Повествователь-модернист вовлекается в рассказ, где его речевая маска становится элементом сюжета (ср. с перформативным началом у Ленина). Автор-модернист творит благодаря непосредственному и нерациональному инстинкту и через слово преобразовывает мир, играя роль потенциальногодемиурга (ср. с универсальной «харизмой» у Ленина). Традиционная иерархия стилей осложнена и порой разрушена преобладанием несобственно-прямой речи и ориентацией на сказ, то есть системой планомерных отклонений от языкового стандарта (ср. с упрощением и вульгаризацией озна-

12 По мнению Казанского, чередование лейтмотивов связано с уже хорошо нам известным преобладанием в языке Ленина юссивной модальности: «Он обращается не к чувству и не к воображению, а к воле и решимости. Его речь не развертывает панораму для пассивного созерцания, не служит гидом, ведущим равнодушного туриста; она борется со слушателем, вынуждая его к активному решению, и для этого припирает его к стене. “Ни с места. Руки вверх. Сдавайся”. — Вот характер ленинской речи. Она не допускает выбора» [Казанский 1924: 124].

13 О «сверхжесткости» и «сверхрастяжимости» сталинского стиля как «сочетания... обманчивой ясности, точности, тавтологической замкнутости ключевых понятий и их внутренней двусмысленности, предательской текучести, растяжимости» см.: [Вайскопф 2001: 80 и далее].

чающих структур у Ленина в соседстве с элементами подчас весьма подчеркнутой книжной стихии)¹⁴.

Семантические корни идиомы «партийность»

Семантический протезизм политического языка Ленина опирается на множество ключевых терминов: тут и «кружковщина», и «ликвидаторство», и «хвостизм», и «передышка», и «смычка», и «драчка», и «комчванство», и громоздкие мемы, начиная с «Мы пойдем иным путем» и др. Как следствие, систему в целом можно описывать и анализировать путем семасиологического исследования конкретных ключевых означающих «марксоидной эквилибристики» [Вайскопф 2001: 85], то есть с помощью «картографирования» понятий и слов, которые — на всем протяжении политической деятельности Ленина — раз за разом «покрывались» лексической парой «партийный/партийность».

Частотность производных от лексемы «партия» в работах Ленина эмпирически очевидна и не требует особенных объяснений, учитывая стержневую роль размышлений об устройстве и назначении нового орудия массового политического воздействия в теоретической и полемической деятельности вождя большевиков. Тем не менее будет совсем не лишним дать суммарные сведения о специфическом контексте, в котором возникло это понятие или, по определению, сформулированному в начале статьи, эта «политическая идиома».

«Партийность» образуется с помощью суффикса *-ость* из прилагательного «партийный», чье абстрактное свойство оно и выражает. В свою очередь, прилагательное «партийный» появляется в русском языке не ранее 80—90-х годов XIX века (см.: [Виноградов 1994: 788, 789]) и является морфологической калькой с немецкого прилагательного *parteilich*, которое, однако, исконно не относилось к нейтральному понятию «политической партии», а являлось синонимом слова *parteiisch*, что значит «не нейтральный», «тенденциозный», «пристрастный». До конца XVIII века существительное *Partei* также обладало только отрицательным значением «фракции». Например, в 5-м действии трагедии Ф. Шиллера «Дон Карлос» (1787) королева Елизавета попрекала своего чересчур беспокойного пасынка: «Промысл... *пристрастно* отдал одному любимцу // что у других отнял» («die Vorsicht... *Parteilich* gab... ihrem Liebling, was // Sie andern nahm»).

Только во время политических и военных потрясений Германии в 1789—1815 годах существительное *Partei* приобрело нейтральное значение «общности убеждений» (*Gesinnungsgemeinschaft*) и приблизилось по смыслу к идее современной партии. В то же время *parteilich/Parteilichkeit* сохранило преимущественную связь с семантической сферой «пристрастности/фракционности», часто корреспондировавшей с борьбой между протестантами и католиками

14 Если говорить о поэтах-модернистах, то установку на повелительную модальность мы находим у Маяковского. Он же одним из первых осуществляет в литературе отход от привычного литературного языка не с помощью общемодернистской перестройки стилевой иерархии, но в определенно ленинской форме — через установку на массовую, подчас плебейскую, речь. Отметим, что деонтическая модальность и установка на массовость усиливаются у Маяковского до его знакомства с ленинской речью, начиная с трагедии «Владимир Маяковский» и с поэмы «Война и мир».

за пересмотр церковно-государственных отношений в германских государствах (см.: [Beume 1978: 696 и далее]¹⁵). Разумеется, нюансы зависят от обстоятельств: в самом разгаре революционной бури наиболее консервативно настроенные романтики были не прочь счесть «германский дух» зачинателем цельной и органической «новой религиозной жизни», противопоставленной обособленным началам «преданных войне, спекуляции и сектантскому духу» (*Parthey-Geist*) других наций Европы [Novalis 1968: 518 и далее]. Пятнадцать лет спустя, при наступающей победе Реставрации, романтики «второго призыва» — например, недавно обращенный в католицизм А. Мюллер — клеймили «непартийность» (*Unparteilichkeit*) как «самую подлую анархию сердца и веры, отсутствие надежды в посюстороннем и в потустороннем мире. Она ничего не может достичь, ей нечего любить и не на чем остановиться» [Müller 1812: 172]. Еще в 1840 году в знаменитом словаре Гейнзюса указывалось, что главным значением слова *Partei* является понятие о современной партии. В то же время *parteilich/Parteilichkeit* все еще обозначало «того, кто действует в пользу одной стороны из-за склонности, предвзвешенности или по какой-то неуважительной причине». Далее следовали примеры: «пристрастный суд» (*parteiliches*); «пристрастность судьи» (*Parteilichkeit*) [Heinsius 1840: 360].

Что же касается понятия «партия», то вскоре Маркс и Энгельс осмысливают его совсем в ином контексте — в «Манифесте коммунистической партии» (1848), где отведенная ей мессианская роль всеобщего освобождения и преобразования принципиально исключала сосуществование разных партий: «...ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [Маркс, Энгельс 1955: 447]. Впрочем, в разгар революционного 1848 года основатели научного социализма толком еще не знали, как эту партию следовало организовать и каких стратегических установок им необходимо придерживаться. Лишь после неудачи революции в директивах периферийным кружкам «Лиги справедливых» из восстановленного в Лондоне нового политического центра они дали четкие стратегические указания: в рамках общедемократического движения коммунисты должны достичь главенствующей роли, а партию надо организовать по модели концентрических кругов, с внутренней шеренгой «решительных революционеров», которые в состоянии управлять более широкой массой «верных людей, пригодных для революции, но еще не осознавших коммунистические последствия теперешнего движения» [Marx, Engels 1977: 338, 340].

В дальнейшем ни строители немецкой социал-демократической партии (в первую очередь Каутский), ни основатели русского марксизма (Плеханов, Аксельрод, Струве) не выказывали особенного интереса к семантическим возможностям пары *parteilich/Parteilichkeit* — «партийный/партийность». В немецком языке по отношению к партии преобладали сложные слова типа *Parteikongreß, Parteigruppe, Parteimitglied, Parteileitung, Parteipresse, Parteitag, Parteizeitung* и др. Русские теоретики должны были пользоваться прилагательным «партийный» для обозначения тех же понятий, но пока чисто денотативно, без всякой смысловой или ценностной нагрузки. Что же касается абстрактного существительного *Parteilichkeit* — «партийность», то в русской и немецкой публицистике оно отсутствовало вовсе.

15 В русском переводе «Словаря основных исторических понятий» [Козеллек 2016] статья «Партия» отсутствует.

В итоге семантический тезаурус, которым Ленин оперировал в целях создания своего собственного политического лексикона, заключается в следующем:

- идея «партии» (*Partei*), которая включает в себя: а) мессианские, абсолютизирующие обертоны; б) практику концентрической централизации; в) стратегию, направленную к достижению гегемонии над всеми составляющими «прогрессивного» движения;
- понятие *parteilich/Parteilichkeit*, семантически слабо связанное с существительным-первоисточником (*Partei*), но в котором: з) преобладает значение «тенденциозности», «пристрастия»; д) прослеживается отчетливая связь со смысловой рамкой конфессиональных споров¹⁶.

Как известно, само представление о партии у Ленина менялось: от гибкой и разветвленной модели массовой немецкой социал-демократической структуры конца XIX — начала XX века к более простым и централизованным «неоякобинским» организационным общностям, соответствующим уровню социально-экономической эволюции и состоянию политического пространства, характерным для Российской империи на рубеже столетий. Практически речь шла о той же самой ступени развития, что и в Западной Европе середины XIX века, когда действовала «Лига» Маркса.

Как часто бывает в случаях реархаизации семиотической системы, «раскопанные» знаковые формы включаются в действующие структуры современности, или, вернее, более-чем-современности, ибо они обращены в будущее, идут вперед в своем поступательном движении, которому недостает разве что семиотического инструментария, дабы новая конфигурация вещей могла быть названа.

Первые превращения идиомы: от психологии к онтологии

Первое определение «партийности» у Ленина (1) встречается уже в начале 1895 года в полемическом очерке, посвященном книге видного «легального марксиста» П. Струве, направленной против социолога-народника Н. Михайловского. По мнению Ленина, необходимо найти третий — диалектический — элемент между волонтаристским субъективизмом народников и строгим «марксистским» детерминизмом Струве, который, «доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов». В отличие от объективиста, который лишь говорит «о необходимости данного исторического процесса», материалист воспринимает данную общественно-экономическую формацию как инкубатор антагонистических отношений, где борьба классов становится главным фактором. Борьба требует от интеллектуала способности стать выразителем точки зрения определенной социальной стороны: «...материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая

16 Весьма показательным и то, что *parteilich/Parteilichkeit* приобретает отчетливое значение «партийного», «касающегося партии», «партийности» лишь после Второй мировой войны в политическом дискурсе ГДР с помощью обратного калькирования от русско-советского обихода (см.: <https://www.duden.de>).

при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (т. 1, с. 419).

Ранний Ленин воспринимал идиому *партийность* в смысле, весьма близком немецкому оригиналу *Parteilichkeit*. Это и непосредственное чувство приверженности одной стороне, и еще зачаточное, до-партийное, то есть бестелесное, стремление или сознание. Созданию тела, способного вместить эту «душу», и будут посвящены последующие годы, но собственно о *партийности* Ленин больше упоминать не будет вплоть до появления брошюры «Что делать?», то есть до методологической книги о том, как конкретно следовало строить партию. Лишь однажды идиома появилась в письме Потресову от 27 апреля 1899 года вновь в связи с «легальными марксистами»: критикуя С. Булгакова, Ленин определял «чувство партийности» как «сознание ответственности перед всеми *Genossen* и перед всей их программой и практической деятельностью» (т. 46, с. 23). Это и есть единственный значимый случай употребления данного слова во всей обширной корреспонденции Ленина. В его письмах партийность фигурировала спорадически и всегда как-то мимоходом (см.: т. 47, с. 254; т. 48, с. 21; т. 49, с. 231), что подчеркивало «официальную», «церемониальную» роль идиомы, начисто лишенной коннотаций, релевантных в контексте личного общения.

В ленинской публицистике слово «партийность» вновь возникло в 1903 году внутри полемики в редакции «Искры», вспыхнувшей сразу после 2-го конгресса РСДРП. Теперь идиома однозначно полемична (2): в ненапечатанном выступлении Ленин напоминал Мартову, что «Русской социал-демократии приходится пережить последний трудный переход к *партийности* от кружковщины, к *сознанию революционного долга* от обывательщины, к дисциплине от действия путем сплетен и кружковых давлений» (т. 8, с. 20). Как антитеза «кружковщины» понятие (2) имело теперь и этико-психологическое («сознание революционного долга»), и практически организационное значение («дисциплина»). Вскоре после выхода Ленина из редакции (ноябрь 1903 года) в качестве антонимов (2) к «кружковщине» прибавились «дезорганизация» и «сектантство» (конец декабря 1903 года (т. 8, с. 105), вновь не напечатано), то есть идиомы, носившие уже явно криминальный оттенок. Если «кружковщина» — это пассивный психологический пережиток устаревших форм борьбы, то «дезорганизация» и «сектантство» являлись практической и психологической сторонами активной вредительской воли.

Порождение цепочек контрастирующих понятий становятся главным приемом и смысловой рамкой при рождении теоретического большевизма в написанном в первой половине 1904 года и опубликованном в мае памфлете «Шаг вперед, два шага назад». Здесь определение партии «как огромной фабрики» (т. 8, с. 379) не метафора, а настоящее «снятие» системы-фабрики и преобразование ее — под энтелехией партийности — в нечто другое и высшее. Именно так и совершается начатый в 1895 году процесс воплощения: зачаточная и бесплотная (1) обретает этико-психологическое напряжение и становится практически организационным активизмом (2), дабы наконец превратиться (через систему-фабрику) в партию нового типа¹⁷.

17 См. у Сталина гиперболическое тяготение партии «к олицетворению, подчеркивающему ее сакральную внутреннюю целостность (“партия говорит... партия указывает... партия считает... партия понимает...”» [Вайскопф 2001: 60].

Не удивительно, что до такой степени овеществленную партийность можно «проявлять», о ней можно «забыть» (т. 8, с. 302), над ней можно «одержать верх» (т. 8, с. 332), «титолом партийности» можно «попользоваться» (т. 8, с. 344). Порой овеществление партийности рождает настоящие эпические микросюжеты: «Бешеный вихрь поднял всю муть со дна нашего партийного потока, и эта муть взяла реванш. Старая заскорузлая кружковщина осилила молодую еще партийность» (т. 8, с. 402). Наконец, в июле 1904 года партийность как «организационная дисциплина» обернулась «способностью партии к стройному объединенному действию» (т. 9, с. 14). Теперь партийность вполне определенная, онтологическая сущность, наделенная собственной волей, а не психологическая, поведенческая черта отдельных членов партии (3)¹⁸.

В последующие месяцы — особенно во время 3-го конгресса партии (апрель 1905 года, только большевики) — Ленин усовершенствовал свои полемические приемы, в первую очередь кульминацию собственных речей. Новая схема предусматривала, что каждое действие противника могло трактоваться с тройным «криминализующим» возрастанием: «...декларация ЦК... является новой победой кружковщины над партийностью, новой изменой интересам партии в целом, новой попыткой развратить партию внесением лицемерия в партийные отношения» (т. 9, с. 26). Здесь крайне индивидуализированная «кружковщина» пытается «взять верх» над сущностью партии (3), «изменить» ей как практической целеустремленности и «развратить» ее как органическое целое. Центральная мифологема этих месяцев — это партийная «троица», где партия является одновременно онтологической основой, активной волей и совокупностью взаимоотношений. В то же время угрожающий ей противник описывается как некая бесформенная масса: «...борьба партийности против кружковщины, борьба выдержанного революционного направления против зигзагов, пуганицы и возврата к рабочедельству, борьба во имя пролетарской организации и дисциплины против дезорганизаторов» (т. 9, с. 69).

Вскоре, с началом революции 1905 года и еще до манифеста 6 августа об учреждении Думы, идиома «партийность» приобрела еще одно значение: теперь она (4) полемически противопоставлена понятиям «беспартийность/внепартийность». Главным стал вопрос о руководящей роли партии: способна ли она вовлечь и организовать революционные массы, несравнимо более широкие, чем совокупность активных членов политических организаций, освободить их от гегемонии буржуазии, замаскированной под «беспартийность»: «На деле внепартийность, обеспечивая кажущуюся самостоятельность, является наибольшей несамостоятельностью, наибольшей зависимостью от господствующей партии» (т. 10, с. 282).

В течение всей первой фазы революции Ленин употреблял идиому «партийность» исключительно в значении (4), притом делал это довольно редко, вплоть до целого набора текстов, созданных во второй половине ноября, когда после амнистии вождь большевиков вернулся в Петербург из эмиграции и приступил к подготовке московского восстания. В этом контексте «партийность» связана с новой триадой значений «основы партийности (программа, тактические правила, организационный опыт)» (т. 12, с. 85). Понятие (5) отвечает необходимости реорганизовать партию на новых массовых, полулегаль-

18 О понятии «партия» в текстах Сталина как «столь же неуловимой, сколь и могущественной абстракции» см.: [Вайскопф 2001: 69 и далее].

ных началах и провести быструю «омологацию» новых членов. Ленин пишет теперь о «гигантском значении преемственности в деле партийного развития» (т. 12, с. 85).

В этом же контексте вышла в свет пресловутая статья Ленина «Партийная организация и партийная литература», которую долго использовали (и клеймили) как теоретическую основу для принудительного сведения искусства к орудию пропаганды. На самом деле в своем выступлении Ленин лишь бегло, в качестве полемического хода, намекал на зависимость беллетристики от власти денег, а значит, и от вкусов буржуазии (что якобы доказывало скрытую пробуржуазную «партийность» литературы при капиталистическом строе). Главным предметом статьи являлась политическая литература, публицистика. Ленина занимал вопрос о «партийной литературе и ее подчинении партийному контролю» (т. 12, с. 102), когда литература должна была обеспечить «партийность» при установлении культурной гегемонии и унифицировать идеологию новых членов: «...теперь партия у нас сразу становится массовой, теперь мы переживаем крутой переход к открытой организации, теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть даже некоторые христиане, может быть даже некоторые мистики» (т. 12, с. 103). Это еще одно значение идиомы (6): партийность как «охрана идейной и политической самостоятельности партии пролетариата» в условиях его быстрого численного роста (т. 12, с. 139).

После революционного «пика» в декабре 1905 года, с началом политического «отлива», идиома использовалась Лениным лишь спорадически. После выборов в I Думу лидерство оппозиции перешло в руки либералов. В июле 1906 года Ленин признал неудачу — по объективным социальным причинам — того процесса гегемонизации, который партийность (5) якобы должна была обеспечить: «Партийность есть результат и политическое выражение высоко развитых классовых противоположностей. Незрелость их как раз и составляет характерное свойство буржуазной революции. Беспартийно-революционная демократия растет и ширится в эпоху такой революции неизбежно» (т. 13, с. 274). В сентябре 1906 года, в ходе предвыборной кампании во II Думу, Ленин употреблял идиому в значении (7), диаметрально противоположном «партийности» типа (6), то есть как способность сплотить ряды и оказать сопротивление в эпоху репрессий: «Строгая партийность эсдеков, их безусловная подчиненность партии... сумела годы и годы держаться нелегально» (т. 14, с. 86).

Затем идиома вновь вышла из употребления до полемики Ленина с эмпириомонистами во второй половине 1908 года: в книге «Материализм и эмпириокритицизм» он создал значение (8), где значение (4) оказалось перенесено на почву философских споров: философия всегда партийна, ибо представляет собой вечную борьбу «прогрессивного» материализма с «реакционным» идеализмом, а «новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад» (т. 18, с. 380). Из этого следовало, по мнению Ленина, что «беспартийность в философии есть только презренно прикрытое лакейство пред идеализмом и фидеизмом» (т. 18, с. 377), подобно тому, как беспартийность в политике лишь прикрывала гегемонию буржуазии (см. выше о значении (4)).

В 1909—1911 годах полное исчезновение пространства политического маневрирования сочеталось с тотальным хаосом внутри партии: в социал-демократической семье свирепствовала борьба всех против всех — между меньше-

виками-«ликвидаторами», проповедующими переход к полной легальности, «центристами» и левым крылом приверженцев Мартова. Впрочем, в большевистской фракции «ленинцы» пребывали в убеждении о необходимости ухватиться за малейшую возможность легальной политической деятельности в Думе, а «ультиматисты», или «отзовисты» стояли за строгий бойкот допущенных царизмом представительных институтов (см.: [Карпи 2016: 129–132]). В эти особо мрачные годы Ленин был вынужден бороться на двух фронтах: против «ликвидаторства» и против экстремизма «отзовистов». Не удивительно, что он вновь прибег к идиоме «партийность», притом с дотоле неведомой семантической изворотливостью, заменявшей недостаток реальных возможностей для политического действия. В 1909 году партийность (9) — это созидательный порыв, «дело *партийного строительства*... против ликвидаторства» и «самостоятельная работа по постройке партии» (т. 19, с. 10; т. 20, с. 35). Из-под пера Ленина сыпались лозунги вроде: «Борьба за партию и партийность!» (т. 19, с. 37). Онтологическая основа партии отделялась от партийности как таковой и освещала лишь часть целого, то есть большевистскую фракцию, стремительно отделяющуюся от «братьев-врагов» социал-демократии. Таким образом, можно «говорить о партии, партийности, партийной организации» как о смежных, но обособленных предметах (т. 19, с. 277). Примечательны и парные высказывания: «войти в партию, вернуться к партийности» (т. 19, с. 205), причем вступление в партию означало возврат к партийности как к утерянному состоянию непорочности (10).

В октябре-ноябре 1909 года, с усилением угрозы со стороны отзовистов, Ленин всячески педалировал «центристское», стержневое положение преданных ему большевиков: «У большевиков возникает задача борьбы на два фланга — “центровая задача”» (т. 19, с. 148)¹⁹. С партийностью ассоциировалась теперь идея очищения (11): «партийностью действительной, которая состоит в очищении партии от ликвидаторства и отзовизма» (т. 19, с. 256). Рядом с ведущим теперь тройным каналом — (9) созидание, — (10) возврат к некому первоисточнику, — (11) очищение — возникали все новые и новые смысловые поля: партийность как борьба (12) («борьба за партию есть партийность», (т. 20, с. 298)), партийность как моральный императив («долг партийности», (т. 20, с. 298)). Впрочем, разные модусы могли смешиваться: «принципы партийности» — это «аз, буки, веди партийного бытия» (10), которые одновременно обеспечивали «строительство рабочей партии» (9) (т. 23, с. 54).

Между 1912-м и первой половиной 1914-го года слово «партийность» употреблялось Лениным редко и с расплывчатой семантической окраской. Вероятно, после исключения «впередовцев» из партии и после того, как два конгресса 1912 года (в Праге и в Вене) утвердили формальный раскол большевиков и меньшевиков, идиома потеряла свою полемическую актуальность: золотые времена ленинской «партийности» оказались уже позади.

19 Сталин наследовал и довел до предела и этот идеологический аватар: «Вопреки всей его антиномической риторике, растяжимая “средняя линия” — это и есть подлинный оперативный простор Сталина, его интеллектуальное Lebensraum, зона скрытого накопления и перераспределения сил для грядущего дуалистического взрыва — как во внутренней, так и во внешней политике» [Вайскопф 2001: 107–108].

Кризис идиомы под натиском реальности

С начала Первой мировой войны Ленин прекратил взывать к «партийности». Наоборот, в данном контексте она являлась политически нежелательной, поскольку обращение к ней вело к единству с «оппортунистами», то есть с большинством представителей европейского рабочего движения, голосовавших за военную поддержку своих государств: «Единство пролетарской борьбы за социалистическую революцию, — писал Ленин, — требует теперь, после 1914 года, безусловного отделения рабочих партий от партий оппортунистов» (т. 26, с. 115). Теперь вождь большевиков открыто призывал к расколу общесоциалистического движения в том виде, который оно приняло при Втором Интернационале. Сам традиционный партийный образец казался ему безнадежно устаревшим. В основополагающей для «нового» Ленина брошюре «Империализм как высшая фаза капитализма» нет ни одного упоминания о «партийности», а в подготовительных «Тетрадах по империализму» (особенно «о» и «у»; см. т. 28) он собрал обильные данные о кризисном состоянии западных рабочих партий и поставил вопрос о лучшей стратегии для выхода из кризиса, правда не предложив определенного решения.

Равнодушие к идиоме «партийность» усугубилось после Февральской революции 1917 года: теперь Ленин напрягал свои силы к созданию новой партии, уже отчетливо обособленной от всех остальных объединений. «Партийность» как таковая больше ему не была нужна. Сохранять единство с отступниками оказалось нежелательным, а сплотить правоверных можно было гораздо более практическими средствами. Только в конце мая 1917 года, накануне районных выборов в Петрограде (представлявших для стремившихся к власти большевиков огромный интерес), Ленин вернулся к идиоме в значении (4) (партийность как мера классовой сознательности и устойчивости, готовности класса бороться за гегемонию):

Известно, что партийность есть в одно и то же время и условие и показатель политического развития. Чем более политически развиты, просвещены, сознательны данное население или данный класс, тем выше, по общему правилу, его партийность. Это общее правило подтверждается опытом всех цивилизованных стран. Да и понятно с точки зрения классовой борьбы, что так должно быть: беспартийность или недостаток партийной определенности, партийной организованности означает классовую неустойчивость (это в лучшем случае; в худшем случае этот недостаток означает обман масс политическими шарлатанами — явление, слишком хорошо известное в парламентарных странах) (т. 32, с. 190).

Впрочем, затем идиома исчезла из ленинского нарратива и реанимировалась лишь в чрезвычайных обстоятельствах: например, Ленин заговорил вдруг о партийности после июльских событий в связи с опасностью авторитарного переворота: буржуазия активно работала на создание бонапартистского блока, и партийность стала единственным началом, который пролетариат мог ей противопоставить (14) (см.: (т. 34, с. 17, 67, 82)). После попытки корниловского переворота идиома надолго сошла со сцены: ежедневная политическая активность не оставляла времени для языковой джигитовки.

Лишь после октября 1917 года идиома «партийность» как бы воскресает вновь, но понятие теперь употреблялось Лениным преимущественно в *отри-*

цательном значении. Официальная версия произошедших событий подчеркивала спонтанный, общенародный, а отнюдь не партийный характер переворота: «Это не политика большевиков, вообще не политика “партийная”, а политика рабочих, солдат и крестьян, т.е. большинства народа. Мы не проводим программы большевиков, и в земельном вопросе наша программа взята целиком из крестьянских наказов» (т. 35, с. 36). Чем дальше шел революционный процесс и чем глубже он укоренялся, тем более отрицательным становился в ленинской публицистике семантический ореол «партийности», которую лидер обличал как вредное пристрастие к узкому идеологическому знамени и «комчванство» (15) в то время, когда необходимо было создавать новую общенациональную идентичность. В докладе на заседании ВЦИК 21 ноября (4 декабря) 1917 года он даже связал искажение результатов выборов в Учредительное собрание не в пользу большевиков с чрезмерной партийностью русского народа (т. 35, с. 110).

В последующие годы идиома отсутствовала даже в самых длинных и витиеватых ленинских документах. Превращение партии в массовое движение огромных размеров, нераздельно слившееся с государством, делало неразрешимыми два вопроса, остро воспринимавшихся поздним Лениным: об очистке аппарата от «ненадежных элементов» (см.: т. 38, с. 15; т. 39, с. 235, 236, 360—362; т. 40, с. 38) и о необходимости вовлечь «беспартийных» в государственное управление (см.: (т. 37, с. 17)). По мнению Ленина, опасности упрочнения партии-государства можно избежать лишь преодолением самой формы партии, превращением в правящий класс всей массы беспартийных пролетариев (см.: (т. 40, с. 127, 128)). Лишь в этой явно несбыточной перспективе Ленин отныне упоминал — притом весьма редко — интересующую нас идиому, особенно подчеркивая необходимость строго различать разные политические планы (советский, партийный, государственный и т.д.). «Партийность», вырождавшаяся в сервизм и насквозь пронизывавшая любое звено общества и государства, — вот главная опасность, которая на глазах позднего Ленина обозначилась на политическом горизонте.

В течение предреволюционного двадцатилетия ленинский язык приспособлялся к политическому курсу страны, адаптировался к событиям и к ключевым понятиям эпохи, брал их приступом, вбирал их в себя, превращая в материал, подлежащий классификации по заданным извне критериям. «Внутренняя форма» этого языка была призвана решать весьма разнообразные политические задачи: 1) ее эластичность, императивный характер, мнимая онтологичность ее аргументации служили идеальным средством объединения и сплочения партийного коллектива, созданного при исторических обстоятельствах, с самого начала не позволявших действовать по формально установленным, открытым демократическим правилам; 2) театрализация речевой прагматики, установка на проповедь, упрощение и плебеизация означающих структур сделали этот язык понятным и близким малокультурным слоям населения; в то время как 3) деканонизация устойчивых форм литературного этикета, игра ассоциативными рядами и дискурсивное сочетание суггестивных лейтмотивов сближали ленинский язык с литературно-языковой практикой модернизма и — особенно после революции — сделали новое культурное и политическое устройство приемлемым для немалой части прежней культурной элиты.

Под воздействием ленинских стилевых стратегий любая политическая идиома, в том числе исследуемая нами «партийность», обретала предельную

растяжимость и мнимую способность адаптировать любые формы реальности. И тем не менее — «как язык ни преобразовывай, сколько ни переформилай, ничего, кроме языка, из него получить нельзя» [Шапир 2000: 36]. После революции процессы начали объективно развиваться по своей внутренней логике, наступила фаза консолидации и скоро появились люди и институты, способные создать и использовать реальные механизмы власти: их политический язык решал сугубо репрезентационные и контрольные задачи.

С возникновения политической культуры сталинизма «партийность» стала всеобщим регулирующим началом духовной сферы. Став универсальным, регулирующее начало прекратило действовать целенаправленно и превратилось в нечто напоминающее принцип неопределенности Гейзенберга в квантовой механике: линия партии (и вообще восприятие реальности) изгибается и вьется все более непредсказуемым и противоречивым образом при ритуальной шаблонности составляющих ее элементов. Подобно «хаотическим» системам в физике, решения «могут быть детерминированными на микроскопическом уровне, но производят непредсказуемые глобальные последствия» [Кожевников 2000: 168]. Партийность, превращенная Сталиным в универсальную обрядность, целиком проникла в реальность и растворилась в ней, тем самым перестав существовать: совершенно последовательной представляется поэтому попытка вовсе отказаться от данной идиомы, предпринятая Фадеевым и Симоновым в 1950 году, в конце сталинской эпохи (см.: [Добренко 2020: 408 и далее]). Столь же последовательным образом Сталин отклонил предложение двух руководителей Союза писателей: утерявшая всякую значимость как категория, «партийность» не могла быть формально упразднена как *modus operandi*, как общий «принцип отправления власти» [Там же: 410, 496]. От первоначального чувства приверженности к чему-то еще несуществующему («партийность» в своем первом ленинском изводе) — к лишенному всякой определенности принципу изначально данной власти. Как сказал бы сам вождь: «Вот какая цепочка получилась, товарищи!...»

Библиография / References

- [Атнашев, Велижев 2018] — *Атнашев Т., Велижев М.* Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. С. 7—50.
- (*Atnashov T., Velizhev M.* Kembridzhskaya shkola: istoriya i metod // Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii / Ed. by T. Atnashov, M. Velizhev. Moscow, 2018. P. 7—50.)
- [Базаров 1910] — *Базаров В.А.* На два фронта. СПб., 1910.
- (*Bazarov V.A.* Na dva fronta. Saint Petersburg, 1910.)
- [Богданов 1910] — *Богданов А.* Падение великого фетишизма (современный кризис идеологии). Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1910.
- (*Bogdanov A.* Padenie velikogo fetishizma (sovremennyy krizis ideologii). Vera i nauka (o knige V. Il'ina "Materializm i empiriokrititsizm"). Moscow, 1910.)
- [Вайскопф 2001] — *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001.
- (*Vajskopf M.* Pisatel' Stalin. Moscow, 2001.)
- [Виноградов 1994] — *Виноградов В.В.* История слов. М., 1994.
- (*Vinogradov V.V.* Istoriya slov. Moscow, 1994.)
- [Винокур 1990] — *Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1990.

- (*Vinokur G.O. Kul'tura yazyka. Moscow, 1990.*)
 [Гусев 1934] — *Гусев С.* II съезд // Воспоминания о втором съезде партии: Сборник статей. М., 1934.
- (*Gusev S. II s"ezd // Vospominaniya o vtorem s"ezde partii: Sbornik statey. Moscow, 1934.*)
- [Добренко 2000] — *Добренко Е.* Функции и категории соцреалистической критики. Поздний сталинизм // Соцреалистический канон: Сборник статей / Под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб., 2000. С. 390—433.
- (*Dobrenko E. Funktsii i kategorii sotsrealisticheskoy kritiki. Pozdny stalinizm // Sotsrealisticheskii kanon: Sbornik statey / Ed. by H. Günter, E. Dobrenko. Saint Petersburg, 2000. P. 390—433.*)
- [Добренко 2020] — *Добренко Е.А.* Поздний сталинизм: Эстетика политики. М., 2020.
- (*Dobrenko E.A. Pozdny stalinizm: Estetika politiki. Moscow, 2020.*)
- [Казанский 1924] — *Казанский Б.* Речь Ленина (Опыт риторического анализа) // ЛЕФ. 1924. № 1 (5). С. 111—139.
- (*Kazanskiy B. Rech' Lenina (Opyt ritoricheskogo analiza) // LEF. 1924. № 1 (5). P. 111—139.*)
- [Карпи 2016] — *Карпи Г.* История русского марксизма. М., 2016.
- (*Carpi G. Istoriya russkogo marksizma. Moscow, 2016.*)
- [Козеллек 2016] — *Козеллек Р.* Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 т. М., 2016.
- (*Kosellek R. Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: Izbrannye stat'i: In 2 vols. Moscow, 2016.*)
- [Крученых 1927] — *Крученых А.* Язык ленинской речи. М., 1927.
- (*Kruchenykh A. Yazyk leninskoj rechi. Moscow, 1927.*)
- [Ленин 1958—1966] — *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. М., 1958—1966.
- (*Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: In 55 vols. 5th ed. Moscow, 1958—1966.*)
- [Лепешинский 1926] — *Лепешинский П.Н.* Вокруг Ильича. М., 1926.
- (*Lepeshinskiy P.N. Vokrug Il'icha. Moscow, 1926.*)
- [Маркс, Энгельс 1955] — *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 39 т. Т. 5. М., 1955.
- (*Marx K., Engels F. Sochineniya: In 39 vols. Vol. 5. Moscow, 1955.*)
- [Мартынов 1925] — *Мартынов А.С.* Из воспоминаний революционера // Пролетарская революция. 1925. № 11.
- (*Martynov A.S. Iz vospominaniy revolyutsionera // Proletarskaya revolyutsiya. 1925. № 11.*)
- [Нарбут 1925] — *Нарбут В.* Филологи о языке Ленина // Журналист. 1925. № 2 (18).
- (*Narbut V. Filologi o yazyke Lenina // Zhurnalist. 1925. № 2 (18).*)
- [Об Ильиче 1924] — Об Ильиче: Сборник статей, воспоминаний, документов. Л., 1924.
- (*Ob Il'iche: Sbornik statey, vospominaniy, dokumentov. Leningrad, 1924.*)
- [Ольминский 1924] — *Ольминский М.* Тов. Ленин // Пролетарская революция. 1924. № 3.
- (*Ol'minskiy M. Tov. Lenin // Proletarskaya revolyutsiya. 1924. № 3.*)
- [Покок 2018] — *Покок Дж.Г.А.* The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история» [1985]) // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. М., 2018. С. 142—188.
- (*Pocock J.G.A. The state of the art / Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii / Ed. by T. Atnashev, M. Velizhev. Moscow, 2018. P. 142—188. — In Russ.*)
- [Потресов 1906] — *Потресов А.Н. (Старовер).* О кружковом марксизме и об интеллигентской социалдемократии // Потресов А.Н. Этюды о русской интеллигенции: Сборник статей. СПб., 1906.
- (*Potresov A.N. (Starover). O kruzhkovom marksizme i ob intelligentskoy sotsialdemokratii // Potresov A.N. Etyudy o russkoy intelligentsii: Sbornik statey. Saint Petersburg, 1906.*)
- [Потресов, Николаевский 1928] — Социал-демократическое движение в России: Материалы / Под ред. А.Н. Потресова, Б.И. Николаевского. М.; Л., 1928.
- (*Sotsial-demokraticeskoe dvizhenie v Rossii: Materialy / Ed. by A.N. Potresov, B.I. Nikolaevskiy. Moscow; Leningrad, 1928.*)
- [Рузер 1924] — *Рузер Л.* Отрывки из воспоминаний об Ильиче // Молодая гвардия. 1924. № 2.
- (*Ruzer L. Otryvki iz vospominaniy ob Il'iche // Molodaya gvardiya. 1924. № 2.*)
- [Томашевский 1924] — *Томашевский Б.* Конструкция тезисов // ЛЕФ. 1924 № 1 (5). С. 140—147.
- (*Tomashevskiy B. Konstruktsiya tezisov // LEF. 1924. № 1 (5). P. 140—147.*)
- [Троцкий 1924] — *Троцкий Л.Д.* О Ленине. Материалы для биографа. М., 1924.
- (*Trotskiy L.D. O Lenine. Materialy dlya biografa. Moscow, 1924.*)
- [Тынянов 1924а] — *Тынянов Ю.* Словарь Ленина-полемиста // ЛЕФ. 1924. № 1 (5). С. 81—109.
- (*Tynyanov Yu. Slovar' Lenina-polemista // LEF. 1924. № 1 (5). P. 81—109.*)
- [Тынянов 1924б] — *Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка. Л., 1924.

- (*Tupyanov Yu.N.* Problema stikhotvornogo yazyka. Leningrad, 1924.)
- [Финкель 1925] — *Финкель А.* О языке В.И. Ленина. Т. 1. Харьков, 1925.
- (*Finkel' A.* O yazyke V.I. Lenina. Vol. 1. Khar'kov, 1925.)
- [Шапир 2000] — *Шапир М.И.* Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков. В 2 кн. Кн. 1. М., 2000.
- (*Shapir M.I.* Universum versus: Yazyk — stikh — smysl v russkoy poezii XVIII—XX vekov. In 2 bks. Kn. 1. Moscow, 2000.)
- [Шкловский 1924] — *Шкловский В.* Ленин как деканонизатор // ЛЕФ. 1924. № 1 (5). С. 53—56.
- (*Shklovskiy V.* Lenin kak dekanonizator // LEF. 1924. № 1 (5). P. 53—56.)
- [Шпет 1923а] — *Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты. Вып. II. Пг., 1923.
- (*Shpet G.G.* Esteticheskie fragmenty. Iss. II. Petrograd, 1923.)
- [Шпет 1923б] — *Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты. Вып. III. Пг., 1923.
- (*Shpet G.G.* Esteticheskie fragmenty. Iss. III. Petrograd, 1923.)
- [Эйхенбаум 1924] — *Эйхенбаум Б.М.* Основные стилевые тенденции в речи Ленина // ЛЕФ. 1924. № 1 (5). С. 57—70.
- (*Eikhenbaum B.M.* Osnovnyye stilevye tendentsii v rechi Lenina // LEF. 1924. № 1 (5). P. 57—70.)
- [Юшкевич 1910] — *Юшкевич П.С.* Столпы философской ортодоксии. СПб., 1910.
- (*Yushkevich P.S.* Stolpy filosofskoy ortodoksii. Saint Petersburg, 1910.)
- [Якубинский 1924] — *Якубинский Л.* О снижении высокого стиля у Ленина // ЛЕФ. 1924. № 1 (5). С. 71—80.
- (*Yakubinskiy L.* O snizhenii vysokogo stilya u Lenina // LEF. 1924. № 1 (5). P. 71—80.)
- [Бейме 1978] — *Бейме К. von.* Partei, Fraktion // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Bd. 4. Stuttgart, 1978.
- [Heinsius 1840] — *Heinsius O.F.Th.* Vollständiges Wörterbuch der deutschen Sprache mit Bezeichnung der Aussprache und Betonung für die Geschäft- und Lesewelt. Bd. 4. Wien, 1840.
- [Kojevnikov 2000] — *Kojevnikov A.* Games of Stalinist Democracy: Ideological Discussions in Soviet Sciences 1947—1952 // Stalinism: New Directions / Ed. by Sh. Fitzpatrick. London; New York, 2000. P. 142—175.
- [Marx, Engels 1977] — *Marx K., Engels F.* Gesamtausgabe. Herausgegeben von der Internationalen Marx-Engels-Stiftung. Erste Abteilung: Werke, Artikel, Entwürfe. Bd. 10: Werke, Artikel, Entwürfe, Juli 1849 bis Juni 1851. Berlin, 1977.
- [Müller 1812] — *Müller A.* Vermischte Schriften über Staat, Philosophie und Kunst. Bd. 1. Wien, 1812.
- [Novalis 1968] — *Novalis.* Die Christenheit oder Europa (1799) // Novalis. Gesammelte Werke. Bd. 3: Das philosophische Werk II. Stuttgart, 1968.
- [Роскоп 1972] — *Роскоп J.G.A.* Politics, Language, and Time: Essays on Political Thought and History. Chicago; London, 1972.